

■ Российское общество сегодня

Ю. В. Латов

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПРОТЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИЯН

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4992

Латов Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
125993, Россия, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, 49
E-mail: latov@mail.ru

Аннотация. Анализируются результаты общероссийских опросов, проводившихся ИС РАН, с целью выяснения вероятности роста массовых протестных выступлений. Доказывается, что в ближайшее время массовые протестные выступления в России не то чтобы типа украинского Майдана 2013–2014 гг., но даже наподобие событий 2011–2013 гг. будут лишь потенциальной угрозой. Это обосновывается, в частности, тем, что в 2015 г. наблюдался, хотя и несколько повышенный, но всё же умеренный уровень личного участия в различных массовых протестных выступлениях – тогда в них участвовали порядка 2–4% россиян. Кроме того, современные протестные действия и настроения носят в основном экономический, а не политический характер. Хотя социально-экономическими институтами недовольны многие россияне, но их протест не консолидирован; у протеста против существующих политических институтов есть «вожди» (либеральная оппозиция), но этот протест гораздо менее массовый. Пока есть «вожди без войска» и «войско без вождей», «революционная ситуация» вряд ли возможна. В то же время следует учитывать, что россияне способны в ответ на «раздражающие» события скачком изменять свои социально-политические предпочтения.

Ключевые слова: протесты, оппозиция, социальное самочувствие, мониторинг

Современный российский дискурс протеста

В современной России получила широкое распространение «контрреволюционная ментальность»: стало принято обвинять *всех* революционеров (всех времен и народов) в предательстве национальных интересов и в аморальности. В негативном отношении к революциям сходятся не только консерваторы-государственники, но и значительная часть либералов-оппозиционеров. О прямой связи рождения не только СССР, но современной Российской Федерации с массовыми протестными выступлениями предпочитают не вспоминать.

Доминирование в современном российском дискурсе подобной «контрреволюционной ментальности» можно объяснить трояким образом.

С одной стороны, конечно, любой *стабильный* политический режим старается нейтрализовать тех, кто требует радикальных перемен, тем более, если оппозиционеры хоть в какой-то форме опираются на поддержку внешнеполитических оппонентов правящего режима. Поэтому известные слова В. В. Путина на заседании Совета Безопасности РФ 20 ноября 2014 г. («Мы видим, к каким трагическим последствиям привела волна так называемых цветных революций, и мы сделаем всё для того, чтобы это никогда не случилось в России») прозвучали как эхо произнесённого сотню лет назад ещё более известного афоризма премьер-министра царской России П. А. Столыпина («Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия»). Заказ именно на такой (априори гипер-критический) подход к трактовке современных массовых протестных действий породил в последнее десятилетие вал литературы – во многих аспектах скорее публицистически-пропагандистской, чем собственно научной¹. При этом вопрос о сходстве «цветных революций» с событиями 1991 г., породившими современную Россию, принципиально табуируется, иначе придётся признавать либо возможность и полезность спонтанного массового протеста, либо «незаконнорожденность» современной российской государственности.

С другой стороны, сказывается *специфически-российский* эффект «обманутых надежд» после событий первой половины 1990-х гг., от которых подавляющее большинство россиян в лучшем случае ничего не получило. Большинство граждан стали после этого смотреть на «революционеров» либо как на «безответственных «болтунов», либо как на людей со своим тайно-корыстным интересом. Российские граждане согласились, что «не дай бог жить в эпоху перемен», и в целом выразили готовность поддерживать/терпеть существующую коррумпированную «административную вертикаль», чтобы только «не раскачивать лодку».

С третьей стороны, современный революционно-протестный дискурс *во всем мире* резко изменился. Революционеры вековой давности воодушевлялись в основном социалистическими идеями (справедливость как имущественное равенство), которые в наши дни

¹ В качестве примеров подобной литературы можно назвать: *Кара-Мурза С.* Революции на экспорт (2006); *Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С.* Новые технологии борьбы с российской государственностью (2009); *Гапич А, Лушиников Д.* Технологии цветных революций (2010); *Пономарева Е., Рудов Г.* «Цветные революции»: природа, символы, технологии (2012); *Манойло А. В.* Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов (2015). Противоположных примеров – подчёркивания объективной полезности массового ненасильственного протеста – в современной литературе мало, один из немногих примеров – недавняя статья В. Л. Иноземцева (2016). URL: https://snob.ru/selected/entry/104603#comment_817663). Симптоматично, что в сетевых отзывах на эту статью прозвучало выражение «реабилитация понятия «революция»» (<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/kontekst/reabilitaciya-ponyatiya-revoluciya>); если обсуждается реабилитация революции, это означает, что состоялось её осуждение.

существенно потеряли популярность. Им на смену в качестве революционных лозунгов пришли либеральные идеи (справедливость как равенство возможностей) и отчасти идеи «исламской революции» (справедливость как равенство правоверных, «своих»). К обеим этим идеям значительная часть россиян (не только анти-западники и православные) относится «не очень» доброжелательно.

Перечисленные три причины сформировали своего рода общественный «спрос на застой». После богатого на революции XX века современные россияне в целом стали относиться к радикальным политическим переменам как к катаклизмам. Парадокс в том, что значительная (возможно, подавляющая) часть акторов этого спроса понимают, что нынешнее «мгновение» отнюдь не прекрасно и остановить его не удастся. Однако у общества нет ни сил активно «желать перемен», ни понимания, каких именно перемен надо желать (кроме, разве, самых общих идей снижения гигантской дифференциации доходов и борьбы с коррупцией), ни авторитетных организованных сообществ, готовых политически возглавить революционный протест.

Для стигматизации жажды революционных перемен в России 2010-х гг. можно найти также вполне рациональные объективные основания, связанные с современным хозяйственным развитием.

Как хорошо известно, в настоящее время между странами догоняющего развития идёт острая конкуренция за привлечение иностранных инвестиций из развитых стран. Чем выше в стране протестная активность (безразлично под какими лозунгами), тем ниже привлекательность этой страны для иностранных инвесторов, предпочитающих вкладывать капиталы в «спокойные» страны. В «Индексе хрупкости государств» (Fragile States Index), который учитывается инвесторами при оценке рисков инвестирования, один из «индикаторов уязвимости» государств так и назван — «наличие недовольных и мстительно настроенных групп». В 2015 г. Россия находилась в «Индексе хрупкости государств» на 65-м месте среди 178-ми стран между Колумбией и Индией [Fragile..., 2015]¹. К факторам, которые «тянут вниз» позицию России в данном рейтинге, эксперты относят политическую нестабильность на Северном Кавказе, неравномерность экономического развития, неэффективную работу государственных структур, высокую степень криминализации общества, а также усиливающееся давление на гражданское общество. Всё перечисленное относится к основным проявлениям или факторам протестной активности населения России.

Таким образом, массовая протестная активность становится показателем «хрупкости государства» и отпугивает потенциальных инвесторов, предпочитающих вкладывать капитал в менее «горячие» страны. Можно сделать вывод о своеобразном «порочном круге» революционаризма (см. рис. 1): протестные действия являются реакцией населения на торможение социально-экономического развития, однако они сами становятся одной из причин этого торможения, поскольку снижают

¹ Этот рейтинг является «перевернутым» — лучшие страны находятся в самом конце рейтинга, так что современная Россия находится в худшей половине рейтингуемых стран.

безопасность в стране и её инвестиционную привлекательность¹. История России 1900–1920-х гг. является ярким тому доказательством: все три русские революции были вызваны в первую очередь «провалами» в социально-экономическом развитии, однако, устраняя одни «провалы», они порождали новые, не менее тяжелые.

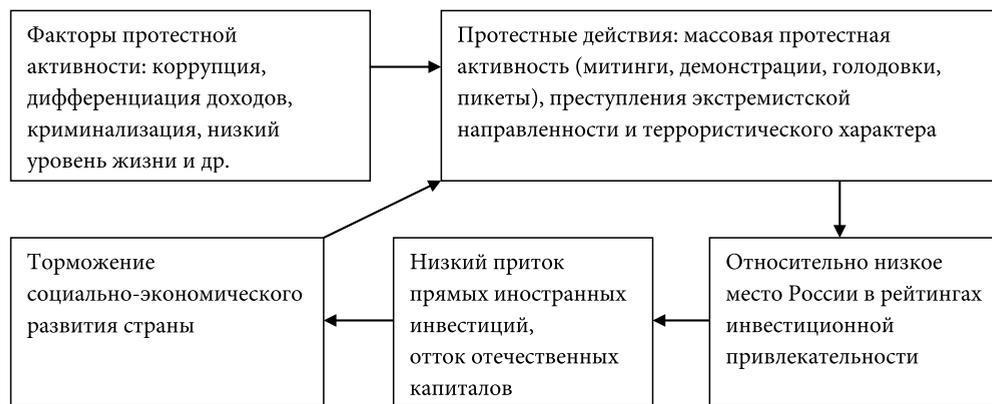

Рис. 1. «Порочный круг» взаимосвязи между протестной активностью населения и национальным социально-экономическим развитием

Поэтому отношение к массовым революционно-протестным действиям в современной России остаётся очень двусмысленным не только среди «простых людей», но и среди обществоведов. Сталкиваются остро критическое отношение к существующему политическому режиму и обоснованный страх перед «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным». Второй фактор пересиливает, поэтому в целом протестная активность населения рассматривается в настоящее время скорее как угроза национальной безопасности, чем как «локомотив» развития.

Парадигма изучения протестной активности в контексте угроз национальной безопасности

Протестная активность граждан в демократическом обществе может играть как конструктивную, так и деструктивную роль. С одной стороны, протестная активность является одной из форм обратной связи между гражданами и государственной администрацией; её проявления позволяют правительству лучше понять, какие именно проблемы наиболее волнуют граждан и каких решений этих проблем они ждут от власти. Являясь негативной реакцией населения на коррупцию, дифференциацию доходов, криминализацию и т. д., протестные действия позволяют выявлять

¹ Модель «порочного круга» революционаризма сделана по аналогии с другими моделями самоподдерживающейся отсталости стран догоняющего развития, которые разрабатывались экономистами кейнсианского направления [см.: Нурев, 2008: 38–40].

те факторы, которые вызывают недовольство граждан и тормозят национальное развитие. С другой стороны, протестная активность может стать проявлением экстремизма, если связана с борьбой за власть насильственными действиями.

Как показывает исторический опыт (Россия в 1917 г., Украина в 2014 г.), массовые протестные выступления могут стать не просто одной из угроз национальной безопасности, но ключевым компонентом национального кризиса, ведущего к гражданской войне. Однако для такого трагического исхода необходимо сочетание ряда обстоятельств.

Все факторы, детерминирующие протестную активность, можно с некоторой долей условности разбить на две группы (см. рис. 2):

- факторы-причины, которые обуславливают *возникновение* протестной активности, и
- факторы-катализаторы, которые влияют на *скорость развертывания и масштаб* протестной активности граждан.

Для понимания факторов-причин — основных «слагаемых» формирования национального кризиса, который может иметь катастрофические последствия, — можно воспользоваться сформулированной В. И. Лениным концепцией революционной ситуации:

1. Ухудшение социально-экономической ситуации («обострение выше обычного нужды и бедствий народных масс»).
2. Рост массовых протестных выступлений («низы не хотят»).
3. Усиление противоборства между элитными группами («верхи не могут»)¹.

Перечисленные три фактора являются слабыми субститутами (заменителями) друг друга. Если отсутствует какое-либо одно из трёх слагаемых, то два других вряд ли смогут привести к революционной смене власти. Например, во время экономического кризиса 2008–2009 гг. в России наблюдалось существенное ухудшение социально-экономической ситуации, однако два других фактора «революционной ситуации» были выражены слабо (в частности, протестная активность переживала спад). В 2011–2013 гг. проходили массовые протестные выступления, активно действовала внесистемная оппозиция, однако социально-экономическая ситуация в стране не ухудшалась. В обоих случаях ситуация в стране оценивалась экспертами как напряжённая, но не было реальной опасности национального кризиса с катастрофическими последствиями.

Прочие факторы — в частности, внешнее (иностранное) деструктивное влияние, сетевые коммуникации участников протеста (по типу «твиттер-революций»), ангажированность СМИ — играют, по нашему мнению, сугубо второсте-

¹ Хотя В. И. Ленин сформулировал признаки «революционной ситуации» столетие назад, в работах 1913–1920 гг., его выводы не противоречат идеям современной политологии. В частности, в классической монографии Т. Р. Гарра «Почему люди бунтуют» (1970) можно встретить близкие по смыслу выводы, например: «Вероятность возникновения беспорядков прямо изменяется с интенсивностью и масштабом массовой относительной депривации...».

пennую роль. В частности, пресловутое иностранное влияние (идеологическую, организационную и финансовую поддержку внесистемной оппозиции) следует рассматривать как катализатор, которое может ускорить реакцию, но не может сам по себе эту реакцию запустить.

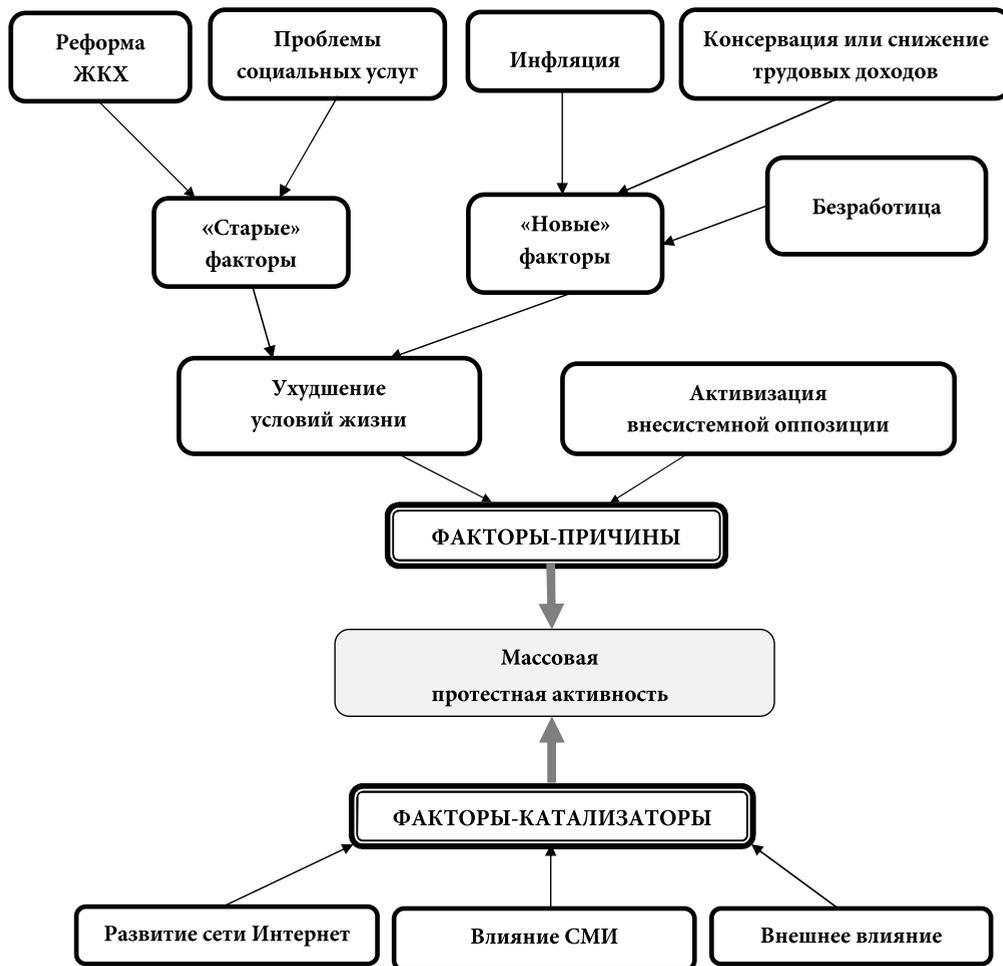

Рис. 2. Факторы массовой протестной активности в России 2010-х гг.

Начавшийся в России в 2014 г. социально-экономический кризис резко актуализировал вопрос о назревании «революционной ситуации». Во время кризиса неизбежно «обострение выше обычного нужды и бедствий народных масс». Эффективная государственная политика может предотвратить (или, по крайней мере, минимизировать) формирование двух других «слагаемых» (роста протеста «низов» и кризиса «верхов»), а также уменьшить значение того «слагаемого», которое невозможно нейтрализовать. О кризисе «верхов» говорить пока трудно,

поскольку вертикаль российской власти во время кризиса скорее укрепилась, чем ослабла; однако и здесь есть тревожные симптомы. Данная статья будет посвящена в первую очередь оценке протеста «низов», поскольку это – ключевой элемент «революционной ситуации».

Протестную активность российских граждан можно рассматривать в двух основных аспектах:

1. Протестные проявления – *реально состоявшееся* (в недавнем прошлом) личное участие граждан в различных акциях протеста;
2. Протестный потенциал – *потенциальная готовность* граждан к участию (в будущем) в различных протестных акциях.

Протестные проявления

Ответы респондентов во время мониторинговых исследований ИС РАН 2000–2010-х гг.¹ об их личном участии в различных конкретных видах гражданской деятельности по защите своих интересов показывают, что фактическое количество тех, кто оказывается в роли участников каких-либо акций протеста на протяжении последних 15-ти лет в России, скорее всего, колебалось на уровне 2–4% всех граждан (в масштабах всей страны это примерно 3–5 млн человек). Общая картина динамических изменений протестных проявлений в России XXI века представляется следующей.

До кризиса 2008–2009 гг., когда подходили к концу «тучные» годы экономического подъёма, этот уровень был порядка 2–3%, т. е. не менее чем каждый 50-й взрослый россиянин хотя бы раз в год участвовал в каких-либо акциях протеста. В начале 2010-х гг., когда «тучные» годы подъёма сменились «тощими» годами замедленного роста, протестная активность выросла, что нашло выражение, в частности, в движении 2011–2013 гг. против фальсификации выборов. Судя по данным опроса за 2013 г., можно предположить, что в «горячие» годы через участие в протестных акциях прошли примерно 4% граждан, т. е. каждый 25-й². Затем произошёл спад участия в протестных действиях: россияне, несмотря на начавшийся в 2014 г. экономический кризис, в целом определённо поддержали действия правительства в связи с событиями на Украине и снизили протестную

¹ Изменяющаяся Россия в зеркале социологии (2004); Социальная политика и социальные реформы глазами россиян (2007); Российская идентичность в социологическом измерении (2008); Россия на новом переломе: страхи и тревоги (2009); Российская повседневность в условиях кризиса (2009); Готово ли российское общество к модернизации? (2010); Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров (2011); О чем мечтают россияне: идеал и реальность (2013); Российское общество и вызовы времени. Книги 1–4 (2015–2016).

² Их могло быть и существенно больше, поскольку при опросах 2013 г. и 2016 г. среди респондентов, относящихся к акциям протеста с неодобрением или безразлично, наверняка были и те, кто ранее принимал в таких акциях участие, но потом в них разочаровался.

активность. Однако постепенно эффект патриотического подъёма стал затухать, люди начали «возмущаться» тяготами кризиса, да и старые проблемы (коррупция, неэффективность госуправления, дифференциация доходов) никуда не исчезли.

Эти выводы о динамике реально состоявшихся протестных выступлений, сделанные на основе общероссийских опросов, согласуются с данными ведомственной статистики МВД России. Наименее латентным показателем этой статистики, достоверно отражающим степень осознания властями опасностей протестных выступлений, является «количество сотрудников органов внутренних дел, обеспечивающих общественный порядок и безопасность во время проведения митингов, демонстраций, шествий, пикетирований, собраний»¹. По данным ГИАЦ МВД, до конца 2011 г. ежемесячно по всей России в обеспечении порядка во время массовых выступлений обычно участвовали не более 10 тыс. сотрудников полиции (несколько больше – во время февральских, мартовских, майских и рождественских праздников). Начавшиеся в конце 2011 г. массовые протестные выступления потребовали от полиции существенного (в 2–4 раза) повышения трудозатрат на контроль за порядком во время этих мероприятий. События на Болотной площади 6 мая 2012 г. привели к резкому скачку численности обеспечивающих порядок сотрудников полиции почти до 45 тыс. человек. В последующие годы, опасаясь повторения этих событий, полиция регулярно выставляла в мае усиленные наряды (78 тыс. в 2013 г. и 66 тыс. в 2014 г.). До «спокойного» ежемесячного уровня (менее 10 тыс. полицейских) количество сотрудников полиции, обеспечивающих порядок во время массовых выступлений, редко опускалось даже в 2014–2015 гг.

Если сопоставить ответы респондентов общероссийских опросов на одинаковые анкетные вопросы в 2013 г. и в 2016 г., то следует сделать вывод, что уровень участия в акциях протеста в эти годы был примерно одинаков (см. таблицу 1).

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос об их личном отношении к людям, принимающим участие в акциях протеста, митингах, демонстрациях, 2013–2016 гг., %

Варианты ответов	2013	2016
С одобрением, сами принимают в них участие	4	4
С одобрением, хотя сами не принимают в них участие	35	30
С неодобрением	14	16
Безразлично, никак не относятся	47	51

¹ Данные статистики МВД о «количестве лиц, принимавших участие в митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях, собраниях» менее аналитически полезны, поскольку в них соединены данные об участниках протестных и «лояльных» (например, демонстраций 9 мая) выступлений. Тем не менее, по этим данным также заметен сильный всплеск событий 2012 г. (8,7 млн участников выступлений) в сравнении с предыдущими годами (6,8 млн в 2010 г., 5,0 млн в 2011 г.) и последующими (5,0 млн в 2013 г., 7,0 млн в 2014 г.).

Кто же те россияне, которые вошли в 4% респондентов, признавшихся в начале 2016 г. в своём личном участии в ранее прошедших акциях протеста? Исследования ИС РАН показывают, что в целом социальная структура «бунтарей» не сильно отличается от социальной структуры россиян в целом. Среди участников протестных проявлений, конечно, больше мужчин (56%, в то время как в выборке в целом 47%), однако доля молодёжи 18–30 лет пониженная (20%, а не 26%, как в выборке), зато наблюдается повышенная доля живущих в районах (37%, а не 31%) и тех, кто оценил свою материальную обеспеченность как хорошую (25%, а не 18%). Это можно объяснить тем, что в последние годы протестные акции имеют главным образом экономическую подоплёку, а поскольку от ухудшения материального положения во время кризиса страдают все социальные группы, то и социальный портрет «бунтаря» оказался очень похож на портрет среднего россиянина (с поправкой на общую повышенную социальную активность мужчин и не-бедных людей). Выявленные в ходе опроса участники акций протеста – это, судя по всему, в массе своей вовсе не записные «бунтари», регулярно в компании единомышленников протестующие против «коррупцированной власти», а скорее люди, ситуативно обеспокоенные решением конкретных социально-экономических проблем, не связанных с «высокой» политикой и с деятельностью внесистемной оппозиции.

Протестный потенциал

Для характеристики потенциальной готовности россиян к протестной активности, возможной в ближайшее время, целесообразно рассмотреть ответы респондентов на вопрос, как они готовы реагировать, если вдруг произойдет значительное ухудшение их условий жизни.

Вполне ожидаемо, что во время всех общероссийских мониторинговых исследований, в которых фигурировал вопрос о том, к каким способам защиты респондент готов в будущем при необходимости прибегнуть, чаще всего выбирали «спокойные» ответы типа «буду искать дополнительные источники заработка» (35–45% опрошенных) и «что-то предприму, но что, ещё не решил» (30–40%). Однако иногда респонденты указывали и на такие возможные действия, которые связаны с более (вооружённое сопротивление) или менее (митинги, демонстрации) радикальной протестной активностью.

Во время опроса 2016 г. респондентам предлагали, отвечая на вопрос «*В случае ущемления Ваших прав, к какому способу защиты Вы лично готовы прибегнуть?*», выбирать несколько позиций (всё, что подходит респонденту) из списка разных политических действий – от участия в выборах и обращения в СМИ и в суд до обращения в криминальные структуры и вооружённого сопротивления. Как и следовало ожидать, преобладали «спокойные» ответы с разной степенью оптимизма: «решение проблем через судебные органы» (29%), «ни к какому,

поскольку эффективных способов воздействия на власть сегодня нет» (27%), «ни к какому, так как сами привыкли решать свои проблемы» (26%), «петиции, обращение в органы власти» (19%) и «обращение в СМИ» (17%). Радикальные варианты – демонстрации, гражданское неповиновение, вооружённое сопротивление – встречались нечасто, лишь у 15% респондентов.

Если рассмотреть ответы респондентов на вопросы об их возможном участии в различных видах радикальной протестной деятельности в динамике (2003–2016 гг.), то легко заметить две закономерности (см. таблицу 2).

Таблица 2

Динамика ответов респондентов на вопросы о возможном участии в различных видах протестной деятельности по защите своих прав, 2003–2016 гг., %

Варианты ответов	2003	2008 март	2013	2014 март	2015 март	2016
Приму участие в митингах, демонстрациях и т. д.	5	5	6	10	6	11
Приму участие в мирных акциях гражданского неповиновения (неуплата налогов, жилищно-коммунальных платежей)	-	-	-	-	-	9
Вооружённое сопротивление	6	3	3	3	4	2

Во-первых, число тех, кто выражает готовность к наиболее радикальным видам протестной деятельности, связанной с насилием (вооружённым сопротивлением), обычно ниже числа тех, кто готов участвовать в более мирных видах протеста (митинги, демонстрации, неуплата налогов и др.). Исключением являются данные за 2003 г. (готовых к вооружённому сопротивлению оказалось несколько больше, чем готовых к мирным протестным действиям), но это можно объяснить наследием «бандитских» 1990-х, когда людей активно приучали к «праву силы», а также атмосферой накала борьбы с терроризмом (на 2002–2004 гг. приходился пик терактов, совершённых северокавказскими «борцами за свободу»).

Во-вторых, на протяжении 2008–2014 гг. доля готовых к вооружённому сопротивлению была удивительно устойчива – на уровне 3%. Видимо, это примерно соответствует доле людей с определёнными психологическими девиациями. Однако в 2015–2016 гг. показатели потенциальной готовности россиян к радикальным формам протеста стали меняться довольно странным образом.

Прежде всего, в ходе мониторинга в марте 2015 г. 4,3% респондентов выразили готовность братья за оружие в случае значительного ухудшения своих условий жизни. Это – самый высокий показатель готовности к вооружённому сопротивлению за последние 10 лет. Всего несколькими месяцами раньше, в октябре-ноябре 2014 г., такой ответ давали 3,3% респондентов. Такой скачок готовности братья за оружие странен ещё и потому, что доля готовых к мирным формам протеста в сравнении с 2014 г. в 2015 г. резко упала – с 10,0 до 6,2%.

Разгадка проста: в конце февраля 2015 г., за несколько недель до проведения опроса, в Москве был убит Б. Немцов, один из лидеров антиправительственной оппозиции. Это резонансное событие стало триггером скачка социально-полити-

ческой напряжённости, многие «горячие головы» выразили готовность ответить «ударом на удар». Когда в течение года накал политических страстей угас, то к марту 2016 г. доля готовых братья за оружие упала до 2,0%: это — самый низкий показатель в исследованиях ИС РАН с начала XXI века. Поэтому вероятность массового вооружённого сопротивления граждан властям в настоящее время, в отсутствие резонансных событий, крайне низка.

В то же время к началу 2016 г. резко — до 10,9%, более чем в 1,5 раза — выросла доля тех, кто готов к мирным протестным акциям. (Это можно интерпретировать и как возвращение данного показателя к уровню 2014 г.). Более чем каждый десятый россиянин в марте 2016 г. заявил, что при ущемлении его прав (таковым при желании можно посчитать и увольнение с работы, и рост оплаты за ЖКХ) он готов идти на митинги и демонстрации, отказываться платить налоги и т. д. Это — гораздо серьёзнее, чем 1/50 готовых (на словах) братья за оружие. Опыт «цветных революций» показал, что если на антиправительственные демонстрации выходят десятки и сотни тысяч недовольных, то достаточно и нескольких сотен боевиков, чтобы за спиной мирных демонстрантов устроить переворот.

Достоин внимания, что среди тех, кто смело заявлял во время опроса ИС РАН о готовности прибегать к радикально-протестным формам защиты своих ущемлённых прав, оказалось довольно мало тех, у кого уже был опыт участия в акциях протеста (лишь примерно один из десяти). В то же время более половины тех, у кого был такой опыт, не выражали готовности в будущем участвовать в акциях протеста. Это отражает обычную картину циркуляции членов условного протестного сообщества: одни люди, участвовавшие в акциях протеста, теряют желание протестовать (по причине достижения локальных целей протеста, или в силу изменения жизненных целей, или из-за разочарования в результативности протеста), а другие, ранее в акциях не участвовавшие, желают принять в них участие. При этом «ядро» протестного сообщества — тех, кто протестовал в прошлом и готов протестовать в будущем — оказывается очень маленьким, лишь 1,6% респондентов.

Революционная ситуация как призрак

Перефразируя Маркса и Маяковского, можно сказать, что по постсоветской России уже четверть века бродит призрак революционной ситуации, который то уходил, то «вновь маячил в отдалении».

Сразу же после начала радикальных экономических реформ 1992 г. появилось много прогнозов, будто существующий режим «висит в воздухе» и вот-вот рухнет под ударом новой революции. События 1993 г., закончившиеся расстрелом Белого дома, действительно едва не стали полноценной революционной ситуацией: хотя россияне наблюдали за противостоянием президента и парламента скорее как зрители, чем как участники, однако налицо были и «кризис верхов», и «обострение выше обычного нужды и бедствий». В дальнейшем насильственные гражданские конфликты

сначала сместились на Северный Кавказ, а в первой половине 2000-х гг. вообще начали постепенно затухать. Середина 2000-х гг. оказалась самым «золотым» временем: граждане вполне одобрили усиление «административной вертикали» в обмен на быстрый экономический рост, а то, что этот рост основан на «нефтяной игле» со всеми вытекающими негативными последствиями, можно было пока не замечать.

Однако ухудшение социально-экономического развития в конце 2000-х реанимировало забытый, казалось, призрак революционной ситуации. События 2011–2013 гг. стали попыткой либеральной оппозиции объединить всех недовольных действиями государственной власти, однако власть смогла своих оппонентов переиграть и маргинализировать внесистемную оппозицию, объявив её «иностранными агентами». Несмотря на явную победу властей, «марши миллионов» 2011–2012 гг. остались незримым фактором последующей политической жизни. Политическая элита знает, что народ не всегда «безмолвствует» и что при появлении «раздражающих» факторов массовые протестные выступления снова могут стать злостью дня. Внесистемная оппозиция тоже помнит, что удачно найденный лозунг/повод протеста может объединить против правительства десятки/сотни тысяч россиян с самыми разными политическими взглядами.

В принципе уже сейчас можно предсказать, какие именно лозунги протеста будут в наибольшей степени привлекать россиян в ближайшее время. Если проранжировать причины возможных в ближайшее время массовых протестных выступлений по нисходящей, от самых актуальных до наименее актуальных (см. таблицу 3), то на первое место, как и следовало ожидать, выходит лозунг защиты социально-экономических прав граждан: за него готовы «биться» 29% россиян, т. е. почти 1/3. Согласно данным МВД, стремящегося вести мониторинг причин (лозунгов) протестных выступлений россиян, главными темами протестных выступлений экономического характера в последние 2–3 года устойчиво являлись проблемы низких доходов (зарплат и пенсий), высокой платы за ЖКХ, а также ипотеки и жилья. Следующие по важности причины – это протест против беззакония (т. е. коррупции) властей (27%) и против засилья мигрантов (21%); всё это – тоже по существу социально-экономические мотивы. Собственно политическая мотивация протеста – защита демократических прав и свобод (17%), поддержка оппозиции (всего 7%) – выражена гораздо слабее. В этой связи можно вспомнить, что Февральская революция 1917 г. тоже началась с чисто экономических протестов петроградских рабочих против увольнений и повышения цен на хлеб, и только затем, после неуклюжих действий властей, начались антиправительственные митинги, разоружение городских, убийства офицеров и т. д.

Таблица 3

**Ответы респондентов на вопрос о готовности принять участие
в массовых протестных выступлениях, если они в ближайшее время пройдут там,
где живут респонденты, %**

Причины (лозунги) возможных массовых протестных выступлений	Готовы		Не готовы	
	Безусловно, да	Скорее всего, да	Скорее всего, нет	Безусловно, нет
В защиту экономических и социальных прав граждан	7	22	34	37
В знак протеста нарушений закона местными властями и правоохранительными органами	8	19	32	41
В защиту местных жителей, против наплыва мигрантов	7	14	35	43
В защиту демократических прав и свобод (свобода слова, собраний, шествий и т. п.)	4	13	41	42
В поддержку оппозиционных партий и движений	2	5	40	53

Если сравнить современную ситуацию со временем массовых протестных выступлений четыре года назад (см. рис. 3, 4), то хорошо видно, что такая иерархия – доминирование готовности защищать социально-экономические права над готовностью защищать политические права – очень устойчива. У молодых людей, правда, этот разрыв слабее, чем у взрослых, однако и молодёжь озабочена в первую очередь именно «экономическими и социальными правами». Кроме того, готовность отстаивать свои права у россиян сейчас, несмотря на экономический кризис, заметно (примерно на 1/3) ниже, чем во времена «болотного дела».

По поводу методов осуществления протестных действий ещё в позапрошлом веке революционерами разных стран был сделан вывод, что тактика чисто силовой борьбы – оружие протестующих против оружия правительства – чаще всего обречена на провал: защитники правительства заведомо будут многочисленнее и лучше вооружены (если только правительство не потеряло поддержки силовых структур), а обычных граждан стрельба на улицах скорее отпугнёт, чем привлечёт на баррикады. Гораздо результативнее тактика «цветных революций»: массовые протестные демонстрации парализуют противодействие властей, позволяя радикальной оппозиции без столкновений с полицией и войсками сменить старую власть; если же власть применит к демонстрантам насилие, то обозленный народ ещё сильнее сплотится с протестующими радикалами (как это было в Киеве в январе-феврале 2014 г.).

Важно отметить, что протестная тактика массовых ненасильственных выступлений оставляет существенные шансы и для властей. Это блестяще было продемонстрировано в России в 2012 г.: если власть «сохраняет лицо» и расчётливо

ведёт противоборство с оппозицией, сочетая выполнение отдельных её требований с дискредитацией оппозиционеров, нарушающих конституционный порядок, то накал протеста будет сам по себе постепенно «выдыхаться». Если же протестующие сами прибегнут к насилию (как это было на Болотной площади), то у власти развязываются руки для точечных репрессий против нарушителей общественного порядка, что с одобрительным пониманием оценивается большинством граждан.

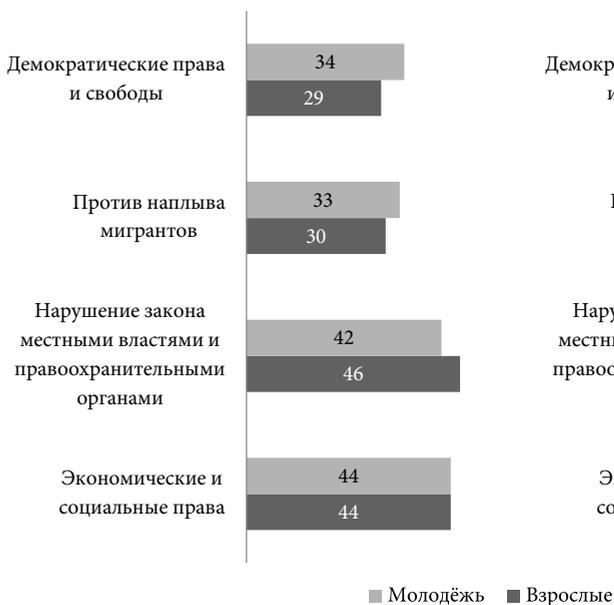

Рис. 3. Готовность респондентов участвовать в массовых выступлениях под разными лозунгами, 2012, %

Рис. 4. Готовность респондентов участвовать в массовых выступлениях под разными лозунгами, 2016, %

В результате противостояние оппозиции и власти превращается в «войну нервов»: кто первый прибегнет к масштабному насилию и тем самым нарушит конституционные «правила игры», тот и проиграет. Такой сценарий, когда каждая из сторон конфликта минимизирует насилие, объективно выгодна обществу в целом, поскольку позволяет либо найти приемлемый для большинства граждан консенсус, либо выявить и устранить наименее порядочного актора политической борьбы.

Для понимания перспектив мирных сценариев будущих протестных выступлений принципиально важно, какие методы политической борьбы и насколько граждане считают приемлемыми. Сценарии «цветных революций» в современных условиях могут быть эффективны, только если основная масса граждан принципиально отвергает идею, что цель оправдывает средства. В противном случае, если массы допускают насилие хотя бы «в крайнем случае», то велика вероятность превращения массовых протестных выступлений в обычное силовое противоборство (как, например, накануне Октябрьской революции 1917 г.).

Во время опроса респондентам задавали вопрос, какие *заведомо незаконные методы* отстаивания своих интересов они считают допустимыми. Список этих методов, проранжированный по степени одобрения (см. таблицу 4), демонстрирует наличие в современной России достаточных условий для предотвращения трансформации политических конфликтов в силовое противоборство.

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос, что допустимо в отстаивании своих интересов, %

Методы отстаивания интересов	Это допустимо	Это может быть допустимо только в крайних случаях	Это недопустимо ни при каких условиях
Высоко допустимые методы (допускаются хотя бы в крайних случаях не менее чем 1/3 респондентов)			
Голодовки	8	36	55
Несанкционированные митинги, демонстрации и забастовки	9	34	57
Перекрытие дорог, железнодорожных магистралей	5	29	67
Мало допустимые методы (допускаются хотя бы в крайних случаях менее чем 1/5 респондентов)			
Призывы к революционной смене власти в стране	3	15	82
Обливание оппонента соком, забрасывание помидорами, яйцами, тортами и т. п.	4	12	84
Распространение клеветнических сведений, публичные оскорбления	4	10	87
Захват и удержание административных зданий, офисов крупных компаний, банков	2	12	86
Формирование боевых отрядов	2	12	86
Насилие в отношении представителей власти и правоохранительных органов	2	10	89
Драки, избивание своих противников	2	8	90
Практически не допустимые методы (допускаются хотя бы в крайних случаях менее чем 1/20 респондентов)			
Убийство	1	2	98

Конечно, принципиального неприятия нарушения формально-правовых правил борьбы за свои интересы (в духе «этого делать нельзя, поскольку закон это запрещает») в современной России нет: с допустимостью несанкционированных митингов/демонстраций/забастовок согласны более 2/5 россиян (43%), с перекрытием дорог (как в 2009 г. в Пикалёво) – 1/3 (33%). Однако когда речь заходит о применении насилия хотя бы в символической форме (забрасывание яйцами/помидорами, публичные оскорбления), то доля допускающих такие методы

отстаивания своих интересов сразу падает до 1/7 (14–16%). Даже призывы к «революционной» (т. е. насильственной) смене власти допускаются менее чем 1/5 (18%) граждан, что лишний раз свидетельствует о дискредитации в современной России революционной риторики.

В то же время несколько настораживает относительно высокая доля допускающих захват административных зданий (14%), формирование отрядов боевиков (14%), насилия против полиции (12%) и избияния противников (10%). Тем не менее, такие люди, не понимающие опасности заведомо экстремистских действий, составляют в современной России небольшое меньшинство. Что касается тех, кто допускает (хотя бы только в крайних случаях) убийства по политическим мотивам, то их ничтожно мало – чуть более 2%.

Таким образом, если призрак революционной ситуации снова через год-другой начнет материализовываться, то речь пойдёт (если экстраполировать существующие тенденции) именно о сценариях *мирного* противоборства.

В ожидании выхода из «сумрачной зоны»

Подведём теперь общие итоги нашего поиска ответа на вопрос, каковы перспективы развития в современной России протестных проявлений и протестного потенциала.

Во-первых, следует констатировать, что *в 2015 году наблюдался несколько повышенный, но всё же умеренный уровень личного участия в массовых протестных выступлениях – в различных протестных акциях участвовали порядка 2–4% россиян. Это определённно ниже уровня «горячих» 2011–2012 гг. Главное, современные протестные действия носят в основном экономический характер: протестуют главным образом против увольнений, против роста цен и т. д., а не против правительства. Поскольку экономический кризис сменяется подъёмом, то количество участников протестных акций экономического характера пойдет на спад.*

Во-вторых, *доля тех, кто выразил потенциальную готовность к радикальным формам протеста, примерно в 3 раза больше, чем доля тех, кто уже побывал в рядах «борцов».* Хотя доля готовых братья за оружие (2%) ниже, чем в предыдущие 15 лет, но доля готовых к мирным протестным акциям (11%), наоборот, стала выше. Скорее всего, это свидетельствует об обычном воспроизводстве условного протестного сообщества, а не об его расширении.

В-третьих, основная масса населения (более 80%) не одобряет не то чтобы силовые методы протеста, но даже призывы к «революционной смене власти». *Современные россияне, как правило, признают*

допустимыми только ненасильственные методы протеста. В то же время широко распространён правовой нигилизм — несанкционированные митинги/демонстрации/забастовки допускают (пусть с оговоркой «лишь в крайнем случае») более 40% граждан. Поэтому сценарии 2011–2012 гг. (постепенный сдвиг от законных массовых акций к несанкционированным акциям) в принципе могут повторяться.

В-четвёртых, следует обратить внимание на феномен *относительно высокой волатильности характеристик протестной деятельности*. Понятие волатильности (изменчивости) чаще всего используется специалистами по финансовым рынкам для обозначения способности показателя внезапно резко «дергаться», даже если его средний уровень не меняется. В нашем исследовании отмечено два проявления таких «дерганий»: первое — когда ВЦИОМ и ИС РАН в начале 2015 г. с разрывом примерно в пару месяцев замерили различающиеся примерно в 3 раза (18 и 6%) доли россиян, готовых принимать участие в акциях протеста; второе — скачки в данных ИС РАН о готовности к разным видам протестных действий (за менее чем полгода между октябрём-ноябрём 2014 г. и мартом 2015 г. подскочила доля годовых братья за оружие с 3 до 4% и упала доля готовых к мирным формам протеста с 10 до 6%). Высказывалось предположение, что эти «дёргания» связаны со скачками курса рубля и с убийством Б. Немцова. В любом случае следует отметить, что российские граждане способны в ответ на «раздражающие» события скачком изменять свои социально-политические предпочтения.

Общий вывод таков: в ближайшее время (год-два) революционная ситуация останется для России только опасным призраком — *массовые протестные выступления не то чтобы типа украинского Майдана, но даже типа событий 2011–2013 гг., скорее всего будут лишь потенциальной угрозой*, а не живой реальностью, особенно если Россия начнёт, наконец, «выплывать» из экономического кризиса. В то же время конец 2010-х гг. может стать опасным временем — сойдутся воедино грядущий общемировой экономический кризис и накопленное недовольство деятельностью российского правительства, которое за более чем 15 лет так и смогло сформировать эффективную модель национального социально-экономического развития. В этих условиях высокая волатильность российского общественного сознания — способность быстро «воспламениться» — может оказаться очень опасным фактором.

При прогнозировании динамики протестной активности россиян следует также учитывать, что в 2000–2010 гг. она развивалась по двум направлениям, которые шли параллельно и почти не пересекались:

1. Регулярные выступления сторонников внесистемной оппозиции с лозунгами критики правительства как такового, которые могли учащаться и массовизироваться под влиянием каких-либо конкретных обстоятельств (как в 2011–2013 гг.).

2. Эпизодические и локальные выступления представителей определённых социальных групп с конкретными социально-экономическими требованиями (как, например, в Пикалёво в 2009 г. или в Бирюлёво в Москве в 2013 г.).

Социологические исследования показывают, что россиян гораздо сильнее волнуют их социально-экономические права (согласно данным прошедшего в феврале-марте 2016 г. всероссийского опроса, за них готовы «биться» 29% россиян), чем гораздо более абстрактная защита демократических прав и свобод (17%). Налицо парадокс: против существующих социально-экономических «правил игры» протестуют многие, но их протест не консолидирован; у протеста против существующих политических институтов есть «водители» (либеральная оппозиция), но этот протест гораздо менее массовый. Пока есть «водители без войска» и «войско без водителей», существующему режиму нет реальных угроз. Качественные изменения в результате массовых протестных выступлений станут возможны, только если недовольные граждане и оппозиционные политики найдут общий язык.

Список литературы

Акции протеста: атрибуты демократии или признаки кризиса в обществе? ВЦИОМ. 10–11 января 2015 г. [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 1 (125). Январь-февраль. С. 60–62. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/125/2015_125_61_Politics.pdf (дата обращения: 03.02.2017).

Ганич А, Лушиников Д. Технологии цветных революций. М., Риор, 2010. 132 с.

Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.

Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. 344 с.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 328 с.

Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Летний сад, 2004. 280 с.

Иноземцев В. Л. Слово на букву «Р» [Электронный ресурс] // Сноб. 2016. URL: https://snob.ru/selected/entry/104603#comment_817663 (дата обращения: 03.02.2017).

Кара-Мурза С. Революции на экспорт. М.: Эксмо, 2006. 119 с.

Манойло А. В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Международные отношения. 2015. № 1. С. 1–19.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тома 1–39. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1955–1974. Т. 7. 1956. 670 с.

Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики: учебник для студентов экономических вузов и факультетов: 2-е изд. М.: Норма, 2008. 640 с.

О чём мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2013. 400 с.

Пономарева Е., Рудов Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель-observer. 2012. № 3. С. 36–48.

Проблемы страны и как их решать [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2776. 17.02.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115151> (дата обращения: 03.02.2017).

Российская идентичность в социологическом измерении. М.: Институт социологии РАН, 2008. 72 с.

Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009. 272 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 432 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 424 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 400 с.

Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009. 160 с.

Социальная политика и социальные реформы глазами россиян. М.: Институт социологии РАН. 2007. 108 с.

Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009. 424 с.

Fragile States Index [Электронный ресурс] // The Fund for Peace URL: <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2015> (дата обращения: 03.02.2017).

Дата поступления в редакцию: 07.08.2016

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.1.4992

Russian Protest Moods and Actions

Latov Yuriy Valer'evich

Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation. Leningradsky pr., 49, 125993, GSP-3, Moscow, Russia. E-mail: latov@mail.ru

Abstract. Based on Russia-wide surveys conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS) in monitoring regime, the article considers the probability of formation “revolutionary situation” in modern Russia and the growth of mass protests of the “lower classes”.

Comparison of the survey results, conducted in the spring of 2016, with the previous “waves” proves that in the near future (a year or two) “revolutionary situation” will remain for Russia only as a “dangerous ghost” – mass protests like the Ukrainian Maidan Revolution in 2013–2014, or even like the events of 2011–2013, will only be a potential threat, rather than a reality. Particularly, this is justified because of the fact that in 2015 there was observed, although slightly higher, a still moderate level of personal participation in various massive protests, and at that time, 2–4% of Russians were involved in them. Moreover, modern protest actions are mainly economic in nature: there are protests against redundancies and rising prices, but they are not against the government. There is an interesting paradox: many people protest against the existing social and economic “game rules”, but their protest is not consolidated; the protest against the existing political institutions has its “leaders” (the liberal opposition), but this protest is much less massive. At the same time we should pay attention to the dangerous phenomenon of relatively high volatility of protest activity characteristics – Russian citizens are able to change abruptly their social and political preferences in response to the “annoying” events.

Keywords: protests, opposition, social well-being, monitoring.

REFERENCES

Akcii protesta: atributy demokratii ili priznaki krizisa v obshchestve? 2015. [Protest: the attributes of democracy or signs of a crisis in society?]. [online]. *Monitoring obshchestvennogo mnenija*. № 1 (125). Janvar’-fevral’. P. 60–62. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2015/125/2015_125_61_Politics.pdf (accessed 03.02.2017). (In Russ.).

Gapich A, Lushnikov D. 2010. Tehnologii cvetnyh revoljucij. [Technologies of color revolutions]. M.: Rior. 132 p. (In Russ.).

Garr T. R. 2005. Pochemu ljudi buntujut. [Why people are rebelling]. SPb.: Piter. 461 p. (In Russ.).

Gotovo li rossijskoe obshchestvo k modernizacii? 2010. [Russian society is willing to upgrade?]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tihonova. M.: Izdatel’stvo «Ves’ Mir». 344 p. (In Russ.).

Dvadcat’ let reform glazami rossijan: opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov. 2011. [Twenty years of reforms by eyes of Russians: the experience of sociological measurements]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petuhov. M.: Izdatel’stvo «Ves’ Mir». 328 p. (In Russ.).

Izmenjajushhajasja Rossija v zerkale sociologii. 2004. [A changing Russia in the mirror of sociology]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova. M.: Letnij sad. 280 p. (In Russ.).

Inozemcev V. L. 2016. Slovo na bukvu «R» [The word on the letter “R”]. [online]. *Snob*. URL: https://snob.ru/selected/entry/104603#comment_817663 (accessed 03.02.2017).

Kara-Murza S. 2006. Revoljucii na jeksport. [Revolution for export]. M.: Jeksmo. 119 p. (In Russ.).

Manojlo A. V. 2015. Cvetnye revoljucii i tehnologii demontazha politicheskikh rezhimov. [Color revolutions and technologies of disassembly of political regimes]. *Mezhdunarodnye otnoshenija*. № 1. P. 1–19. (In Russ.).

Marks K., Jengel's F. 1956. Sochinenija, toma 1–39. Izdanie vtoroje. [Works]. M.: Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1955–1974. T. 7. 670 p. (In Russ.).

Nureev R. M. 2008. Jekonomika razvitija: modeli stanovlenija rynochnoj jekonomiki: uchebnik dlja studentov jekonomicheskikh vuzov i fakul'tetov: 2-e izd. [Development Economics: models of establishing market economy: textbook for students of economic universities and faculties]. M.: Norma. 640 p. (In Russ.).

O chjom mechtajut rossijane: ideal i real'nost'. 2013. [The dream of the Russians]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tihonova. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 400 p. (In Russ.).

Ponomareva E., Rudov G. 2012. «Cvetnye revoljucii»: priroda, simvolj, tehnologii [Colour revolutions: nature, symbols, technology]. *Obozrevatel'-observer*. № 3. P. 36–48. (In Russ.).

Problemy strany i kak ih reshat'. 2015. [online]. *VCIOM*. Press-vypusk № 2776. 17.02.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115151> (accessed 03.02.2017). (In Russ.).

Rossijskaja identichnost' v sociologicheskom izmerenii. 2008. [The country's problems and how to solve them]. M.: Institut sociologii RAN. 72 p. (In Russ.).

Rossijskaja povsednevnost' v uslovijah krizisa. 2009. [Russian everyday life in crisis]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tihonova. M.: Al'fa-M. 272 p. (In Russ.).

Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaja. 2015. [Russian society and the challenges of time. The first book]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov; Institut sociologii RAN. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 336 p. (In Russ.).

Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraja. 2015. [Russian society and the challenges of time. The second book]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov; Institut sociologii RAN. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 432 p. (In Russ.).

Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga tret'ja. 2016. [Russian society and the challenges of time. The third book]. Ed. by M. K. Gorshkova, N. E. Tihonova; Institut sociologii RAN. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 424 p. (In Russ.).

Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvortaja. 2016. [Russian society and the challenges of time. The fourth book]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov; Institut sociologii RAN. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 400 p. (In Russ.).

Rossija na novom perelome: strahi i trevogi. 2009. [Russia on the new turn: fears and anxieties]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petuhov. M.: Al'fa-M. 160 p. (In Russ.).

Social'naja politika i social'nye reformy glazami rossijan. 2007. [Social policy and social reforms with eyes of Russians]. M.: Institut sociologii RAN. 108 p.

Jakunin V. I., Bagdasarjan V. Je., Sulakshin S. S. 2009. Novye tehnologii bor'by s rossijskoj gosudarstvennost'ju. [New technologies of fighting the Russian statehood]. M.: Nauchnyj jeksperto 424 p. (In Russ.).

Fragile States Index [online]. The Fund for Peace URL: <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2015> (accessed 03.02.2017).

Date received by 07.08.2016